

Стена

- Братишка, закурить будет?
- Будет... наверное... вот оно всё как...

У высокой стены кровавого кирпича, неумолимо побитой и потрескавшейся, но крепкой и нерушимой, прислонившись к ней спиной, сидел моложавый мужчина в затасканной, пыльной военной шинели без пуговиц и знаков отличия. Рядом, растерянно оглядываясь, стоял человек моложе и в поисках папирос шарил руками по своей рваной одежке. Наконец, откуда-то из-за пазухи он извлёк несколько грязных помятых самокруток и удивлённо посмотрел на них.

- Ну надо же...
- Повезло, - кивнул военный, принимая папиросу.

Судорожно затянувшись, человек в рванине снова осмотрелся и, вздохнув, повторил:

- Так вот оно всё как...
- Пристальный взгляд скользнул по его лицу...
- Крестьянин?
- Ага... Поселенец...

Военный задумчиво посмотрел на свои ноги, обмотанные замызганными портянками, потом – на крестьянские, босые и изодранные...

- Сняли?
- Проследив за взглядом нечаянного собеседника, крестьянин грустно усмехнулся...
- И не было...

...и, окончательно успокоившись, сел рядом, прислонившись спиной к бесконечной стене... Вокруг величественно и страшно разливался туман. Не было ни ветра, ни звуков, ни запахов... Не было неба... Казалось, что в мире и остались только туман, стена и два человека около неё...

***

- Ты их помнишь?
- Крестьянин поморщил лоб:
- Нет... Не совсем... Кто-то свой, кажется...
- А за что?
- На секунду задумавшись, крестьянин повел плечами...
- Видно, за дело... Свои ведь..... Ааа! Бог им судья!
- ...и уронил голову на руки...
- Глядя в туман, военный медленно повторил:
- Свои...

Какое-то время они сидели молча, поражённые каждый своими сумбурными мыслями, обрывками воспоминаний.

- Обидно, - крестьянин повернул своё широкое лицо к собеседнику, - Яблонька у меня в первый раз родить должна... В первый раз, осенью... Обидно...
- Ничего... родит...

Крестьянин печально улыбнулся и хотел что-то ответить, но, заметив нечто выходящее из тумана, подскочил и так и остался стоять с полуоткрытым ртом. Через мгновение встал и военный...

***

Освобождаясь от тумана, одной рукой касаясь стены, к ним приближался сутулый, немисливо худой юноша в затёртом, непонятного цвета костюме, из которого он уже несколько лет как вырос. Юноша шёл пошатываясь, с трудом волоча ноги в спадающих коричневых ботинках. Одно из стёкол его очков было безобразно выбито, и кое-где на оправе виднелись осколки. Но крови на измождённом сером лице не было...

- Ну надо же! – крестьянин удивлённо смотрел на коричневые ботинки, - Такую вещь оставили, а верёвки отобрали! Ты глянь! Верёвки им на кой-то понадобились, а на ботинки и претензии нету! Ну надо же...

- Студент, - пробормотал военный, осторожно приближаясь к юноше, - Эй, парень. Парень! Ну, очнись, очнись.

Юноша только сейчас заметил их присутствие.

- Это ошибка! Ошибка! – он завертелся на месте, сипло выкрикивая: «Ошибка! Недоразумение!».

Рука военного мягко легла на его плечо.

- За что тебя так?

Парень затравленно посмотрел на него, не смея заглянуть в глаза, и, уже совсем иначе:

- Ошибка! Ошибка... Не было... Не было. Не говорил!

- Да кто же тебя так? Ты их помнишь?

В глазах студента вспыхнула искорка ярости:

- Он ответит! За всё ответит! С рук не сойдёт! Он не имел права! Я же не так... я же этого ничего не говорил!

Военный и крестьянин переглянулись:

- Он? Один? Кто? Да кто же? Ты его запомнил?

Студент замотал головой.

- Ты его видел?

Исподлобья взглянув на стоящих рядом мужчин, юноша тихо, как бы извиняясь, пробормотал:

- Темно... темно ведь... лампа... но темно...

Не выдержав, военный резко встряхнул его за плечи:

- Но ведь что-то же ты видел?

Всклипнув нервно, студент высвободился из рук военного. Затравленно озираясь, он отвернулся и прямо перед собой увидел стену... Лицо его, серое и безжизненное, передёрнуло, ком подступил к горлу, последний осколок ярости мелькнул в голубых глазах. И, кинувшись на эту огромную холодную стену, он заорал, заорал, как смертельно раненный, загнанный зверь:

- Её! Её!!!

И вдруг, вновь изменившись в лице, широко раскрыв удивлённые глаза... совсем по-девичьи... по-детски:

- Мама! Мамочка!

Рыдая, худой измождённый юноша сполз по стене кровавого кирпича на землю и уткнулся головой в свои острые колени...

***

Болезненно вдохнув пропитанный туманом воздух, военный пристально посмотрел на скорчившегося студента...

- Политика?

...потом – на стоявшего рядом крестьянина:

- Зависть?

...и, погрузившись в свои мысли, вновь сел спиной к стене... Из оцепенения его вывел резкий, взволнованный голос поселенца:

- Да злоба! Злоба! Грызут, грызут друг дружку! Всегда людям скучно! Хорошо им – за добро своё грызут! Плохо – за чужое грызут! Злоба!

Военный устало взглянул на него:

- А может, всё же, жажда наживы?

- Да нет же! Нет!

Крестьянин больше не мог стоять на месте. Он метался, меряя большими шагами землю, размахивал руками и говорил, говорил...

- Ну и это тоже! Но нет! Злоба! Просто! На меня, просто на меня! За то что... За то что я есть, вот такой вот я есть! И на всех – злоба! К каждому! Всё грызут, грызут!

И нагнувшись к военному, сжав руками рубаху на груди, с отчаянием и удивлением:

- Ну вот как ты объяснишь?! А? Как? Была коровка у меня... Ух, хорошая коровка! Молочко, маслице... тем и жили. Ну да! Так ведь старая она была! Худая вся, мож и больная... Вон, на боку, проплешины у неё какие-то были... Я и думал заколоть! Да ведь рука, рука-то и не поднимается! Она ж больше чем жена детей моих выкармливала! Ну пусть живёт! Да и молоко, молока-то давала! Помрёт так помрёт. Сама! Пусть! Так вот... Поналетели! (И откуда взялись?) Поналетели откуда-то! И свои, опять-таки, и те, другие. Она-то, бедолага, возле дома привязана, чтоб не далеко... Ага! Говорят: «Твоя скотина?» «Моя», - говорю. А они: «Стране, - говорят, - мясо нужно!» Я им, мол, какое мясо? В ней же одни кости! А они: «Укрываешь, скотина, скотину от народа!» Вот так и сказали! «Да ты, - говорят, - кулак!» Я им: «Братцы! Что вы, ей Богу! Какой же я кулак?» А они: «Ты ещё и божишься?! Божишься, сучье племя, - значит контрреволюционер!» У меня в глазах потемнело, а соседи все сразу: «Да, да! Слышали! Знаем!» Ну конечно... знают... лавки у меня хорошие, стол... сам делал... Конечно, они это знают! Стою не живой – не мёртвый, за плетень ухватился. Думаю, что будет, что будет?! И вижу, один подходит к коровке моей, уводить, значит, решил. А пьянущий-то ведь, все они уже пьянющие были! Ну, она-то его и встретила в живот рогами! Боднула, значит, и на меня смотрит. Я ещё улыбнулся ей и так, про себя говорю, мол, пропадаем, старушка... пропадаем... Поняла она меня, хош поклянусь, поняла! Головой так кивнула... Я ж думал, быть ей обедом, а этот, боднутый, очухался да как заверещит, пьяное рыло: «Сопrotивление! Бунт! Натравил-таки скотину, кулацкая тварь!» Это мне он, видать... и что началось! Похватали шашки свои, ножи, кто-то даже вилы хватанул, ружья взвели – и на неё, родимую! Я глаза закрыл, потом глядь – бежит, хромает, кормилица, от этих упырей по полю! Жена визжит, а я всё на коровку смотрю и улыбаюсь даже, и всё тихо так: «Пропадаем, старушка, пропадаем...» И в ухо уже слышу: «Ну, гад, за всё расплатишься!» А я смотрю... у меня слёзы... и улыбаюсь... Не убежала, конечно. И вот обидно – пусть бы на мясо! Что уж теперь, пусть! Так ведь они её просто... Понимаешь? Просто! Так и оставили за огородом... Корова, конечно... Но зачем же так-то? Живая, ведь... Злоба всё это... злоба...

Крестьянин замолчал, но страшная мысль ослепила его:

- Это ж... Это ж они и яблоньку мою сломать могут? Ай-яй-яй... ай-яй-яй...

Не переставая бормотать «злоба, злоба», он прижался лицом к кирпичной кладке, застыл... и замолчал...

Красным кирпичом сияла стена. Возле неё оцепенели, не двигались три человека. Они словно погрузились в пучину забвения, сна... Мимо них плыл туман... И было тихо... тихо... тихо...

***

Резко встав на ноги, военный сжал кулаки:

- Не могу! Не могу я никак понять, за что?! За что же нас расстреляли?!

Крестьянин медленно повернул голову. Студент поднял заплаканное опухшее лицо и удивлённо-испуганно посмотрел на бледного человека с красивыми чертами под грязно-чёрной щетиной...

- Да разве я враг? Вор? Детей я убивал? Женщин насиловал? Что я сделал? Я же за жизнь воевал! Я же за них грех на душу брал! Они же за моей спиной были! да разве я жить им не давал, мешал я им? А знаете, что я в глазах их увидел? Страх! Они меня боялись! Они глаза прятали! Ещё бы секунда – набросились бы на меня как на падаль какую-то шакалы! Боялись! Боялись! Они и есть – шакалы. Каждый боится, ждёт... поджидает... А один твякнет – и все тут же лают! Один укусит. И все кидаются! Для них теперь каждый урод, сволочь каждая – брат! Среди ублюдков не видишь, что сам ублюдок. Видите?! Видите?! Они придумали, как стать умными, хорошими... Просто всё. Просто! Поставить к стене и «Огонь!» Огонь по тем, кто смелее, умнее, чище... чтоб глаза не мозолили! Чтобы встать на их тела и заорать на весь мир: «Я – выше! Я – лучше!» Клин – клином, а кровь, значит, кровью смыть решили?! Руки кровью моют! Землю кровью поливают, как будто она ей за века не пропиталась, как будто войн нам было мало! Думают взрастить из этой кровавой почвы что-то новое, новых людей, честных, добрых, по-настоящему добрых! Но человек гниёт, и кровь – гниёт! Она уже в нас гнилая! И вырастут из этих гнилых болот только гнилые люди! И каждый из них будет хуже всех остальных! И он будет стрелять! Резать! Душить! Топтать! Чтобы стать выше! Лучше! Как легко! Как глупо. Поставить к стене... и «Огонь!»... А ведь и сразу нет человека... Был – и нет! А он жил. Любил. Верил. И он так хотел жить! Так хотел! А ведь вы, возможно, по одной улице с ним ходили! Вы же... СВОИ! И даже если не свои! Вы же, просто – ЖИВЫЕ! И там, за тысячу километров, тоже – живут, любят и... надеются... Хотят жить... И так просто – поставить к стенке человека... «Огонь!»... и его уже нет..... Хм... А всё подлее и подлее. Ведь можно просто ткнуть носом в стену и – в затылок! Чтобы в глаза не смотреть! Нет! Чтобы... как скотину! Чтобы знал, что – скотина. Чтобы он боялся..... Все умрут.... Но стена!..... Она всегда будет... Но как же это пошло!

Военный замолчал и, глядя в туман, всё не мог отдышаться от волнения, обиды и воспоминаний.

У стены тихо всхлипнул студент:

- За это...

Военный вздрогнул и удивлённо посмотрел на него:

- Что?

- За это, - медленно и твёрдо повторил студент и впервые посмотрел военному прямо в глаза, - за слова... За всё это...

Военный медленно сел, прислонившись спиной к стене...

Трое мужчин погрузились в свои мысли. И каждый с непонятным беспокойством вглядывался в туман... Всё молчало...

***

Бледное облако тумана поредело и стало отступать от стены. Моложавый красивый мужчина в затасканной шинели встал и тихо произнёс:

- Нужно идти.

Юноша в разбитых очках, сидящий на земле, невольно вздрогнул:

- Куда мы?

Молодой человек с широким, добрым лицом, помогая ему встать, несколько растерянно, но очень ласково забормотал:

- Пора...Пора...

Сквозь расплывающийся туман угадывались очертания полей, лесов, холмов и чего-то ещё, доброго и чистого, что не виделось, но чувствовалось. Откуда-то взявшееся солнце сделало воздух сотканым, плотным, и этот холодный безжизненный туман стал казаться мягкой занавеской открытого окна... Трое мужчин вошли в туман. Каждый почувствовал присутствие детства...и всё стало понятным... всё вспомнилось...и всё простилось...И всё стало прошлым... На щеке у самого старшего из них на мгновение блеснуло...Трое мужчин, улыбаясь грядущему, исчезли в тумане... Вновь стало тихо...тихо...тихо...И остались только безликий туман и стена... кровавая...бесконечная...нерушимая...